

Игорь Германович Мироненко - заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор, доктор технических наук, заведующий кафедрой микрорадиоэлектроники и технологии радиоаппаратуры Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета "ЛЭТИ". На одном дыхании и не выговоришь. Но регалии регалиями, а если человек с удивительной нежностью - другого слова не подобрать - рассказывает о родном городе, так и хочется вызвать его на откровенность. О жизни, прошлой и настоящей... Если человек богат, он должен делиться. Знаниями, мыслями, всем, что есть в душе.

— Будем делиться, Игорь Германович?

— Пушкин в письме то ли к своей Наталье, то ли к кому-то из приятелей писал, что честным можно быть, а откровенным нельзя. Есть какая-то грань...

— Но ведь можно же слукать перед самим собой и откровенность выдать за честность. Впрочем, на некоторые вопросы вы можете ответить, и не лукавя. Сколько лет вы работаете здесь?

— В 1956 году я поступил, в 1962-м закончил, так что уже 41 год.

— Поступили сразу после школы?

— Нет. Я поступил сначала в военноморское училище, было одно желание - стать военным моряком. Не командным, а инженерным. У меня отец офицером военно-морского флота служил. Поэтому не было колебаний, куда идти. Но в десятом классе я уже очки носил и понимал, что меня на каком-то этапе может не пропустить медкомиссия. И тогда появилась мысль идти в ЛЭТИ. Почему, не знаю, может, это был 53-й год, я сидел перед приемником и слушал "Весну в ЛЭТИ".

В училище я все-таки поступил, был хорошим курсантом, отличником. И у нас висела доска с фотографиями отличников, а над ней на гвардейской ленточке надпись: "Золотой фонд флота". И я там. Этот "Золотой фонд флота" у меня все время был перед глазами, потому что при построении в кухонном каре Павловского дворца в Гатчине - там наше училище располагалось - я как раз стоял против своей фотографии. А когда ушел по здоровью на третьем курсе, взял ее с собой.

“Нет уз святее товарищества”

— Давайте в детство вернемся. Ведь “все мы родом из детства”, как Януш Корчак говорил.

— В 44-м году не стало отца. У матери нас осталось трое, я, старший, братишка и сестренка. А еще бабушка. Она была неграмотной, свою фамилию - Прохорова - писала печатными буквами. Больше ничего не могла написать, пела хорошо. Бабушка была с сильным характером, и она нас, конечно, держала. Мать на работе, а за окном двор со всеми его интересами, делами, взрывами - мы же таскали всякие патроны, - чего там только не было. Тогда еще и прабабушка была жива, в свое время она была настоящей крепостной Смоленской губернии. Прожила очень длинную жизнь и умерла на страстной неделе 42-го года. В блокаду. 90 лет было моей Марии Маркеловне. Как Господь ей дал столько сил! Вот и не знаю, есть ли сейчас в нашем городе такой человек, который как я сидел на коленях крепостной. А вообще, если вспоминать о детстве, теперь мне кажется, что это было время, которое не давало погибнуть или потеряться в этой жизни. Оно возможности предоставляло. В 44-м году мы вернулись из эвакуации, а в 45-м, в конце мая, уже уехали в пионерский лагерь, в Каннельярви. Была надежда на то, что все будет хорошо. Так и получилось. От прабабушки-крепостной, бабушки неграмотной, мамы, которая не имела высшего образования, мы сделали шаг вперед, все трое детей.

— Вы в детстве хулиганили?

— Мы жили во дворе, там нельзя быть дворовым пацаном и не подчиняться его законам, это исключено. Существовали законы стаи. Дворовые отношения - это состояние поведения. Либо ты становился предметом, мягко говоря, издевательства, либо ты был членом этого двора. Там всегда найдется уголовного склада парень, с явными криминальными наклонностями. И он поведет за собой. Наш дом немцы разрушили 1 октября 1941 года. Он стоял на углу Кирпичного переулка и улицы Гоголя, напротив "Аэрофлота". Угол сейчас скошенный, а был прямой. Все почему-то тянулись к нашему двору - там кирпичей было много, подвалы залиты. Но эта романтика, она несла в себе много и отрицательного. Никуда не денешься. Проблемы в молодежной среде всегда возникают из-за одного - неблагополучной семьи. Либо она неполноценная - как правило, нет отца, либо есть и мать и отец, но нет семьи де-факто. В нашей компании - а двор - это человек 15 - отцов ни у кого не было, все погибли. И матери, конечно, с нами не справлялись. Нас, пацанов, такая свобода бесконтрольная разлагала. И из этих пятнадцати на плаву остались четыре-пять человек. На плаву в буквальном смысле.

— То есть состоялись как личности?

— В общем, да. А все остальные либо ушли из жизни, либо спились. У двора все есть. И то, чему действительно надо учиться, и то, от чего надо бежать.

— Во что вы играли в ту пору?

— В футбол. Только в футбол. Играли в "Сашкином" саду - так мы называли Александровский сад. Там не было сторожей, которые бы нас гоняли. Правда, годам к 50-м уже стали гонять. И мы стали играть не на больших полянах - там между дубами ворота у нас были, а на аллеях. Зимой на лыжах катались. Позже

появились стадионы с катками, стали кататься на коньках. После школы не возникло вопроса, чем заниматься, уроки сделал - и вперед. Двор уже ждал.

— А класс был дружный?

— Дружный, но школьная дружба - это не дружба. Приятельские отношения - да. Как нам с моим приятелем Владиком вложили друг другу руки в 45-м году - мы были с ним последними при построении в школе - так мы, "взявшись за руки", с 1-го "А" до 10-го "А" и просидели. Настоящая же дружба пришла со студенческой поры.

— Что вы читали, когда учились в школе?

— К счастью, у нас была очень хорошая школа. Она находилась на Невском, 14, ее построили в 39-м году. Потом война началась, школа не работала до 45-го года. Надпись сохранилась - "При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна". Школа была базовой Института имени Герцена. Учили нас необыкновенно интересно. Преподавали профессора, доценты. Наша 210-я пекла медалистов, как блины. Из самого раннего, когда я только научился читать, были "Похождения бравого солдата Швейка". В магазине "Военная книга" продавались книжечки за две копейки. Страниц 10-20. И вот весь "Солдат Швейк" набирался из этих книжечек. Тираж их был очень небольшой, ребята покупали, потом обменивались друг с другом. "Солдат Швейк" на меня не произвел никакого впечатления, мне не было ни смешно, ни грустно - читал и читал.

Потом пришел Джек Лондон. Правда, сейчас для меня это примитив совершеннейший - и в художественном отношении, и в содержательном. Поворот случился тогда, когда я прочитал "Красное и черное", с этого момента я стал понимать, что мне интересно.

А самое сильное и по сей день - это "Война и мир". В девятом классе читал роман по программе и, несмотря на обилие французского текста, увлекся чрезвычайно. Сильное впечатление на меня Фейхтвангер произвел, потом Эренбург...

Сейчас меня жена заставила прочитать Горького, я не очень его любил: купеческая среда, Фома Гордеев - это была одна крайность, она была мне неинтересна по существу, а вторая крайность - революционно-романтическая - вызывала другую какую-то реакцию. А сейчас "О русских людях" читаю с удовольствием. Горький очень наблюдательный человек. На одном дыхании прочитал "Парфюмера" Зюскинда. Начал и не мог оторваться. До головной боли. Там, конечно, много искусственного, но вот что-то возникло, и не объяснишь этого.

— Вы на работу ездите в метро?

— В метро, конечно, я живу в самом центре, напротив Дворца пионеров. Пешком иду до станции "Невский проспект". Можете не поверить, но почти каждый раз, когда я прохожу по Невскому, нахожу новые детали в домах. И необъяснимо, почему я раньше их не видел. А приметы времени, к сожалению, исчезают бесследно. Вот дом Достоевского на углу Графского и Владимирского поставили на ремонт - и мы с женой поняли, что все растащат. И точно. Пропали все завитушки, сняли флагшток. Мне повезло, я хожу не по спальному району - каждый день новые впечатления, Всего-то маршрут

ничего - от Гоголя до Знаменской, постоянный, сколько себя помню. И до смешного бывает - ходил-ходил, и вдруг оседело: а почему же я не помню Знаменскую церковь? А ее разрушили в 33-м году - я еще не родился. Но было полное впечатление, что я ее помню. Когда поставили на ремонт Елисейский магазин, кто-то написал в газету: почему-то мы не видим в планах реконструкции люстры, она же там всегда висела. Я совершенно обалдел: действительно висела, я ее зрительно помню, потом нашли все документы, ее там никогда не было.

— Вы верите в мистику?

— Нет, верю только в приметы. На 100 процентов верю в черную кошку, бельё, надетое на левую сторону, - можете не сомневаться: беда неминуема.

— А какие у вас знаковые места в Петербурге?

— Самое любимое - Поцелуев мост. Мойка. Когда вы с Поцелуева моста сходите и идете в сторону Невского проспекта. Но только ночью. След фонарей создает совершенно фантастическое впечатление. И, конечно, Невский. А тут зимой, в январе, холод был собачий. Я говорю жене: "Наташка, пойдем посмотрим, как вокруг Инженерного замка откапывают канал". Мы пошли. И я понял, почему он действительно замоч. Как только откопали этот канал, от Фонтанки до Садовой, весь Михайловский стал замком. Канал был очень глубокий. И обнажились стены гранитные, они уходят на большую глубину, это такая новизна в эстетическом смысле! Не просто раскрытая красота - что-то другое. Просто замок в центре Петербурга.

— В музеи ходите?

— Конечно. Прежде всего, в Эрмитаж, причем абсолютно на все выставки. Я достиг критического возраста, хожу бесплатно и поэтому бываю там сейчас больше, чем за всю предшествующую жизнь.

— Художников каких любите?

— Испанцев. Я их всех люблю, без исключения. Сейчас я могу себе позволить пойти в Эрмитаж только для того, чтобы посмотреть Мурильо. Он рисовал детей, и его "Мальчик с собакой" - просто фантастика.

— В Филармонию тоже ходите?

— Вот тут мне просто повезло. Я хожу в Мариинку и в Филармонию. Мои дочери выросли там на лучших образцах исполнительского искусства. И внучке это передалось. Ей девять лет, для нее высшая награда - это билет в театр.

— Жена - ваш друг?

— Да, конечно. Она умнее, мудрее меня во всем. Она, может быть, закон Ома не очень хорошо знает, но интуитивно она его понимает лучше, чем я. У меня от этого развивается комплекс - что бы я ни сделал, она сделает лучше. Советы у нее всегда самые разумные. Дочек воспитала - высший класс. Дала мне остаться в пределах моих технических увлечений. Она редких душевных качеств человек.

— Заповедей каких придерживаетесь?

— По настоящему только одной. Той, что я со двора, видимо, воспринял, с чего мы начинали: "Нет уз святее товарищества". Это Гоголь сказал.

— Вера во что для вас незыблема?

— В мужскую дружбу, в семью.

Наталья Кузнецова